

УДК 94(57)
ББК 63.3 (2Рос-4Алт)51

Развитие хозяйственного пространства земельно-арендной отрасли Кабинета на Алтае в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в.*

А.Е. Кухаренко¹, Н.В. Куденко¹, А.В. Сквородников²

¹Научно-исследовательская компания «Kuko.Science» (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Economic Space Development of the Cabinet Land-Lease Branch in Altai in the 80s - the First Half of the 90s of the 19th Century

A.E. Kukhareno¹, N.V. Kudenko¹, A.V. Skovorodnikov²

¹Scientific Research Company «Kuko.Science» (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается процесс развития хозяйственного пространства земельно-арендной отрасли в Алтайском горном округе в период между административными реформами 1883 и 1896 гг. Авторы анализируют действия администрации округа по развитию земельно-арендных отношений, указывают на мероприятия чиновников и отмечают изменение приоритетов в отношении земельно-лесных ресурсов региона после ревизии 1882 г. Делается вывод, что в отличие от предыдущего периода, когда действия окружной администрации носили хаотичный и незаинтересованный характер, с 1883 г. наблюдается целый комплекс мероприятий, отражающих системный, целенаправленный и продуманный характер мер, направленных на развитие аренды. Указывается, что чиновники, помимо прямой практической деятельности, занимались исследованиями и разработкой концепций развития отрасли, чего не наблюдалось ранее. Уже в 80-е гг. XIX в. кабинетской администрацией были осознаны следующие подходы для развития хозяйственной сферы земельно-арендных отношений: инвентаризация («приведение всего имущества в известность»), внутренняя разбивка участков, мероприятия по вовлечению в хозяйственный оборот непригодных для аренды земель, переход на долгосрочные сроки арендных отношений и т.д., что и определило характер дальнейшей интенсификации и модернизации отрасли вплоть до 1917 г. Несмотря на ограниченность ресурсов, наблюдался значительный рост доходов от аренды, увеличившийся в первой половине 90-х гг. XIX в.

The article examines the process of economic space development of the land-lease branch in the Altai mining district in the period between the administrative reforms of 1883 and 1896. The authors analyze the district administration actions on the land-lease relations development, point to the actions of officials and note the change in priorities in relation to the region land and forest resources after the revision of 1882. The conclusion is made that, in contrast to the previous period, when the actions of the district administration were chaotic and disinterested, since 1883 there has been a whole range of measures reflecting the systemic, purposeful and thoughtful nature of actions aimed at the development of rent. It is indicated that in addition to direct practical activities, officials were engaged in research and development of concepts for the industry development which was not observed before. It was already in the 80s of the 19th century the following approaches for the development of the economic sphere of land-lease relations were realized by the Cabinet administration inventory ("bringing all property to notice"), internal breakdown of land plots, measures to involve in economic turnover unsuitable for lease land, transition to long-term lease relations, etc., which determined the nature of further intensification and modernization of the industry until 1917. Despite the limited resources, there was a significant increase in rental income, which increased in the first half of the 90s of the 19th century.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00439.

Ключевые слова: Алтайский горный округ, Кабинет Его Императорского Величества, земельная аренда, земельно-арендная отрасль, администрация.

Key words: the Altai mining district, Cabinet of His Imperial Majesty, land lease, land lease industry, administration.

DOI 10.14258/izvasu(2020)5-04

В процессе модернизации и трансформации Алтайского производственно-территориального комплекса во второй половине XIX – начале XX в. особое положение занимало земельно-арендное хозяйство. Оно находилось на пересечении различных социально-экономических и административных процессов региона, хронологически совпадало с запуском и постепенным разворачиванием кардинальных капиталистических изменений в административно-хозяйственной структуре Алтайского горного округа и выступало прекрасным маркером динамики процессов трансформации всего комплекса.

В статье «Формирование административно-хозяйственного каркаса земельно-арендного хозяйства Кабинета на Алтае в 1855–1883 гг.» мы рассмотрели формирование земельно-арендных отношений в округе в период с 1855 по 1883 г. и предложили для их анализа «каркасную модель», которая дала возможность понять и объяснить характер развития земельно-арендного хозяйства, а также интерпретировать, реконструировать и систематизировать большое количество разнообразных и часто разрозненных фактов [1]. Там же нами были представлены методологические основы исследования и анализ историографии по данному вопросу. Был сделан вывод, что историография характеризуется в основном фрагментарным и отрывочным рассмотрением вопросов земельно-арендных отношений в Алтайском (горном) округе [1, с. 62]. Это позволяет авторам сослаться на данную информацию и ряд других публикаций, посвященных этому вопросу [2; 3]. В следующей статье в 2019 г. нами было проанализировано развитие административной части «каркаса» в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в., когда он стал усложняться и расширяться по территории Алтайского горного округа [4]. Учитывая сделанный в данной статье вывод о кризисе в административном сопровождении аренды, продолжим анализ ситуации в отрасли, сделав акцент на хозяйственной составляющей этого процесса, что позволит комплексно оценить состояние земельно-арендного хозяйства в 80-х – первой половине 90-х гг. XIX в.

Одним из ключевых моментов рассматриваемого периода стала ревизия Алтайского горного округа 1882 г., которая показала ценность и перспективность земельных и лесных ресурсов края. В результате административной реформы 1883 г. появилась специализированная структура по управлению земельным имуществом округа, в том чис-

ле ответственная за развитие аренды в округе [5, л. 307об.]. Она состояла из 18 служащих во главе с помощником начальника округа по земельной части. К этому моменту в округе сложилось несколько очагов развития земельно-арендных отношений, среди которых особо место занимали Бель-Агачская степь, Бийский арендный район, территории вокруг Барнаула и некоторых заводских контор [1, с. 63–65].

Благодаря новому начальнику округа Н.И. Журину и его помощнику по земельной части А.А. Ваганову главной особенностью развития земельно-арендных отношений с 1883 г. стала системность их построения. Была выработана примерная концепция, которая включала в себя следующее: «приведение земель в известность» и разделение свободных территорий на участки для сдачи в аренду; проверка имевшихся арендаторов; составление арендной книги; создание арендных правил для определения взаимоотношений администрации и арендаторов; организация эффективного контроля над отраслью; проведение мер, препятствующих выпадению земель округа [5, л. 307–307об.; 6, л. 3об.].

Новая администрация провела оценку и диверсификацию хозяйственного пространства земельно-арендной отрасли. Первая категория земель характеризовалась как свободные заводские земли, сдаваемые под пашню и сенокос. Она состояла из удобных земель вне границы крестьянского пользования, разбросанных небольшими площадями и непригодных для образования особых деревень; степных пространств Карасукской, Кулундинской, Соляной, Узской, Ремовской и Бель-Агачской степей; свободных кабинетских земель возле городов Колывани, Барнаула, Бийска, Усть-Каменогорска, Семипалатинска и Кузнецка; 32-х дач при заводах, рудниках и золотых промыслах; заимочных и пасечных хозяйств в гористых местах Салаирско-Кузнецкой и Томской черни, в районах Сростинской, Ануйской, Алтайской, Убинской и Владимирской волостей. Вторая категория обозначалась как каменоломни, известняки, песчаники; третья – мукомольные мельницы, мыловаренные, салотопенные, кирпичные, кожевенные заводы и другие промышленные заведения; четвертая – винокуренные и пивоваренные заводы; пятая – ярмарочные здания; шестая – торговые и базарные весы; седьмая – заимки и пасеки [6, л. 14].

На протяжении всего периода деятельности Н.И. Журина, а особенно при А.А. Ваганове про-

водились регулярные исследования различных сфер и районов перспективного развития земельно-арендной отрасли. Например, в 1883 г. серьезных хозяйственных мероприятий в округе не было, но проводилось исследование Бель-Агачской степи чиновником по сбору аренды Назимовым. В 1884 г. проверялись оброчные статьи на свободных территориях, которые не относились к землям заводских и рудничных управлений, а в 1885 г. произошло обследование заимочных хозяйств вдоль реки Барнаулки и т.д. [6, л. 16, 29–30; 7, л. 3]. Результаты исследований дали актуальную для управления информацию, так как удалось выяснить захватные способы аренды в степях и узнать об отведении сенокосных участков под Барнаулом по устаревшему и ошибочному плану [6, л. 16–17об., 26об.].

Серьезное внимание администрация уделяла заимкам и пасакам как формам, способным существенно расширить хозяйственное пространство отрасли благодаря способности данных форм хозяйства проникать в неблагоприятные районы округа со сложным ландшафтом, не введенные в эксплуатацию или непригодные земли. Однако в стремлении решить данный вопрос А.А. Ваганов несколько опередил время, так как заимки и пасаки как хозяйствующие субъекты несли серьезную опасность для лесных массивов, а для осуществления комплексного надзора за их деятельностью у администрации не хватало ресурсов [6, л. 28–32об., 38, 39].

На наш взгляд, одним из важнейших шагов по организации административно-хозяйственного пространства стало составление сметы по земельно-арендной отрасли, в то время как раньше сметные предположения делались лишь по Бель-Агачской степи [8, с. 106–119]. Составление первого же документа в 1883 г. столкнулось с отсутствием информации по аренде, которая хранилась разобщенно и без всякой системы. Значительная часть сведений сосредоточивалась на местах и не поступала в окружную администрацию. Последняя, например, в ответ на задачу составления сметы в 1883 г. ответила, что в ее распоряжении не имеется «оправданных данных» [9, л. 2].

Не менее важной частью работы по организации хозяйственного пространства было использование адекватных категориальных систем диверсификации хозяйства, существовавших в двух вариантах на базе распределения по видам пользования и по местоположению оброчных статей. В 80-е гг. XIX в. наиболее адекватно содержательную структуру хозяйственного пространства в округе отражала классификация по местоположению: аренда возле городов, все свободные земли около заводов и рудников и остальные оброчные статьи в округе, среди которых пасаки, заимки, мирские оброчные статьи и т.д. [6, л. 2, 13об.; 9, л. 1–1об.; 10, л. 80–80об.]. Но по мере рас-

ширения хозяйственного пространства на всю территорию округа стала доминировать классификация по видам пользования.

В целом развитие хозяйственного пространства сопровождалось внедрением «очагового» принципа, когда наиболее перспективные хозяйственные территории становились «очагами» интенсивного развития земельно-арендной отрасли. Среди них Бель-Агачская и Кулундинская степи, пригородные земли и отчасти заводские дачи. «Очаги» выступили как районы для эксперимента и как области максимального приложения политики, концентрации ее лучших достижений. Администрация максимально насыщала хозяйственное пространство этих локальных районов, проводила межевание, учет имущества, обследование, таксацию, учреждала оброчные статьи, разрабатывала нормативное пространство и т.д. Улучшение управления и организации арендного пространства в этих «очагах» способствовало постепенному расширению их границ и появлению новых перспективных районов, при этом увеличивались доходы, отрабатывались методики и приобретался опыт. Это создавало платформу, на базе которой происходило дальнейшее развитие аренды в округе. Как результат, отчетность фиксирует значительный подъем доходности земельно-арендного хозяйства в первые же годы мероприятий и существенное превышение предполагаемых сметных поступлений [5, л. 312, 345об.–346; 6, л. 11, 52–57, 66–66об.; 9, л. 61–66; 11, л. 1–4; 12, л. 3–3об., 6, 13, 35об.].

Взаимосвязанные процессы исследований и хозяйственных работ привели к рефлексии в середине 80-х гг. XIX в. и созданию программы дальнейшего развития земельно-арендной отрасли. Управление оброчным хозяйством, по мысли А.А. Ваганова, должно быть направлено на приведение арендных статей в известность, на упорядочивание заведывания ими, обложение, раздачу новых участков, надзор и счетоводство. При этом двумя основными векторами приложения политики должны были стать сельскохозяйственный и промышленный виды аренды [6, л. 33]. Реализация этой программы во второй половине 80-х гг. XIX в. не отличалась интенсивными хозяйственными мероприятиями, но сопровождалась комплексным воздействием на очаги насыщения арендными отношениями.

Администрация не располагала значительными ресурсами, поэтому формирование и дальнейшее развитие «очагов» арендных отношений сопровождалось весьма ограниченным межеванием. По этой причине основной упор делался не на приведение всего земельного имущества в известность, а на составление списков арендаторов с описанием угодий, находившихся в их пользовании. Эти описания постепенно пополнялись, исправлялись, а уже в 90-е гг. XIX в. их приняли за основу при составлении инвентарных опи-

сей. Отчеты межевщиков дают возможность увидеть, что в 1880-е гг. их работа состояла из разборов земельных споров крестьян, межевания их землепользования, удостоверения свободной земли и выделения участков под переселение, разграничения деревень, приведения в известность земли и т.д. Межевание арендных статей, обмен мест для сенокосения и пашек, исследование черневых стойбищ и поиск «самовольцев» занимали важное, но не основное место в деятельности межевщиков [14, л. 2–24об.].

Вместе с развитием нормативной базы и приведением в порядок учетно-отчетной системы межевание воспринималось как основной двигатель земельно-арендной отрасли. Межевщики выполняли общеокружную работу и прикомандировывались к арендным чиновникам и лесничим. В 1889 г. их стали распределять по районам, причем одних командировали на лето, а других – на постоянное жительство. Н.И. Журин именно с межеванием связывал базовый компонент в решении всех земельных вопросов, стремясь увеличить численность межевщиков и повысить их квалификацию [10, л. 72об., 77–79; 15, л. 30–31об., 32об.–35, 40–40об.; 16, л. 189–191об.; 17, л. 14]. В целом же, несмотря на критику квалификации и нестабильную численность межевщиков, их количество в округе росло. При этом межевщики выступали резервным звеном для кадрового укрепления вышестоящих структур округа по управлению земельными вопросами [5, л. 28об.–29; 15, л. 31об.; 18, л. 9–10, 15, 16об.; 19, л. 152–152об.; 14, л. 16об., 17об., 18об.; 20, л. 12об.–13; 21, л. 11об.; 22, с. 30, 37].

Усиление межевания приводило к поступательному росту хозяйственного пространства земельно-арендной отрасли, тем самым стимулировало развитие административно-хозяйственного каркаса, формируя значительный арендный фонд имевшихся и перспективных оброчных статей и положительно влияя на рост доходности отрасли в 1891–1895 гг. [5, л. 312, 345об.–346; 23, л. 1об.–2, 4–5]. Хотя межевание не смогло обеспечить полное покрытие хозяйственного пространства, усилия первой половины 90-х гг. XIX в. по межеванию земель и развитию аренды закрепились в делопроизводстве в виде выделения некоторых образований, именованных арендными районами (Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Бель-Агачский и др.) [5, л. 308; 24, л. 547; 25, л. 43об.]. Численность арендных районов, по оценке Г.П. Жидкова, к середине 90-х гг. XIX в. достигала 16 единиц [26, с. 185]. Судя по названиям, они формировались на основе имевшихся лесничеств, участков чиновников по сбору аренды и смотрителей соляных озер, выступая инструментом выделения и структурирования «очагов» хозяйственного пространства земельно-арендной отрасли на базе административно-хозяйственного разделения округа.

Передовую роль в структуре земельно-арендной отрасли по-прежнему играла Бель-Агачская степь. По данным делопроизводства за 1889 г. в степи эксплуатировалось 40 302 $\frac{3}{4}$ дес. пашни с доходом в размере 16 121,10 руб. и 1991 $\frac{1}{4}$ дес. сенокоса с поступлениями в размере 796,5 руб. Часть сенокосов сдавалась в аренду с торгов. Например, в 1889 г. за их аренду удалось получить 186,32 руб. Востребованными стали и залежные земли, за 25 388 $\frac{1}{2}$ дес. которых было получено 5077,70 руб. Менее прибыльными оказались усадебные земли, занимавшие 420 дес. и приносившие, соответственно, в доход Кабинета 420 руб. Трудно оценивать выплаты по таксе с головы скота, составившие 1551,35 руб., так как неизвестно даже примерное количество эксплуатировавшейся выгонной земли. Недоимка за год равнялась 2814,30 руб., а общая доходность Бель-Агачской степи в 1889 г. доходила до 26 967,27 руб.

Межевание степи во второй половине 80-х гг. XIX в. стало приобретать регулярный характер, так как в распоряжении чиновника по сбору аренды имелось два межевщика, один из них постоянно находился в степи, а второй отправлялся на зиму в Барнаул. В целом, по разным данным, доходность Бель-Агачской степи в 1891–1892 гг. составляла 41–42 тыс. руб. [5, л. 312, 345об.–346; 15, л. 34; 18, л. 15; 19, л. 2, 88, 89об., 152–152об., 162–163об., 159–159об.; 24, л. 30–30об.; 27, л. 65об.; 28, с. 417]. В 1887–1888 гг. была исследована и разбита на участки Змеиногорская дача. Примерно в это же время проходила разбивка на участки территорий в районе Павловска и Барнаула [15, л. 34; 24, л. 6–6об.]. Внимание к этим районам, по всей видимости, было вызвано значительным количеством промышленных оброчных статей [14, л. 29; 29, л. 137].

Таким образом, хозяйственное пространство земельно-арендной отрасли в 80-е гг. XIX в. не отличалось монолитностью, так как в рамках каркаса существовали локальные очаги более интенсивных отношений, а оброчные статьи с разными видами аренды были разбросаны по всему округу. Администрации не хватало ресурсов, чтобы привести подобную разбросанность в единую и четкую систему эксплуатации. В связи с этим важнейшим инструментом по наполнению и цементированию каркаса выступала политика, направленная на развитие нормативного пространства отрасли, договорных форм фиксации арендных отношений, более рациональную организацию процесса управления и хозяйствования. А.А. Ваганов считал, что система должна работать таким образом, чтобы можно было в любое время познакомиться с состоянием дел. Появились квитанции и квитанционные книги, фамильные списки арендаторов с полными сведениями о них, «договорные книги», вводились специальные тетради по пашекам и т.д. Естественным продол-

жением и реализацией нормативного пространства становилась выработка форм договоров, ведомостей, квитанций, свидетельств, обязательств и подобного для управления арендной отраслью.

В 80-е гг. XIX в., по всей видимости, единственными носителями договорных отношений выступали созданные платежное свидетельство и арендное обязательство, которые не считались полноправными договорными документами [14, л. 32; 29, л. 100–100об., 117, 119; 30, с. 46, 55; 31, л. 64]. Однако процесс совершенствования документации, видимо, протекал недостаточно быстро, так как местные чиновники критиковали различные формы и арендные книги в своих рапортах и докладах. Кроме того, судя по состоянию, которое описывал в середине 90-х гг. XIX в. Е. Недзвецкий, организация учетно-отчетных процедур была все еще на низком уровне, следовательно, в 80-е гг. XIX в. не удалось добиться заметных улучшений в этой области [6, л. 86об.–87; 9, л. 5–5об., 6–6об., 10–11, 61об.–66; 14, л. 33–34; 19, л. 148–149; 24, л. 125–179об., 243–246об., 253об. –312, 313–318, 422–426].

Усиление отчетности и документооборота стало особенно заметно с новым начальником округа В.К. Болдыревым. Особенно много внимания он уделял повышению финансовой и должностной дисциплины, совершенствованию отчетно-учетных процедур и документации, организации различных форм контроля. Избранные им приоритеты вполне объяснимы. Во-первых, перечисленные направления нуждались в совершенствовании. Во-вторых, на проводившейся политике могли сказываться особенности начальника округа как военного юриста, его личные и профессиональные качества. В результате усиление учетно-отчетных процедур и финансовой дисциплины способствовало укреплению и стабилизации каркаса земельно-арендной отрасли, созданию новых векторов эволюции, которые могли обеспечить качественный рост хозяйства. Однако постепенно стал проявляться существенный минус выбранного курса и модели его реализации. Управление на местах постепенно уходило от реальной практики в канцелярскую работу. Усиление давления и выстроенные акценты ориентировали чиновников на правильное составление документов, а не на успешность хозяйственной деятельности.

В 80–90-е гг. XIX в. происходило поступательное расширение и углубление всех компонентов административно-хозяйственного пространства, связанного с эксплуатацией земельного имущества. Аренда распространялась на новые территории округа, насыщалась новыми формами организации и управления. Администрация в условиях 1880-х гг. просто была неспособна охватить всю территорию округа и проводить мероприятия по упорядочиванию отрасли в максимальных масштабах, однако динамика разви-

тия свидетельствовала о стремлении чиновников постепенно преодолеть территориальную ограниченность. Все более возрастающее внимание со стороны окружного руководства стало уделяться регулированию и цементированию каркаса за счет нормативного пространства, отчетно-учетных процедур, а фиксация хозяйственного пространства происходила путем поступательного развития договорных основ арендных отношений. Важнейшими мероприятиями этого периода, на наш взгляд, являлись радикальные изменения таксационной политики и активные процессы межевания, что вместе с упорядочиванием процесса управления имуществом обеспечило значительный рост доходов от отрасли в 90-е гг. XIX в.

Реальная практика хозяйствования в 80-е – первую половину 90-х гг. XIX в. показала, что существовавшее административное пространство с трудом охватывало развивавшуюся более быстрыми темпами хозяйственную составляющую земельно-арендной отрасли. Не случайно кабинетская администрация была вынуждена активно использовать гражданскую систему управления, усилить с ней взаимодействие и даже создавать новые формы контроля [4, с. 31]. По мере расширения земельно-арендной отрасли и роста ее доходности увеличивалась нагрузка на чиновников, требовался все больший территориальный охват для адекватного административного сопровождения. Кроме того, интенсификация и рост хозяйственных операций в аренде приводили к значительному увеличению нагрузки на служащих, что заставляло передавать служащим все больше самостоятельности, переходить от командировок к постоянному проживанию ответственных на вверенной им территории, увеличивать численность низшего административного состава служащих, предпринимать усилия по повышению финансовой и должностной дисциплины чиновников на местах [10, л. 72, 77; 17, л. 29об.–32об.; 18, л. 14об.; 19, л. 1–2об.; 24, л. 241–241об.; 32, л. 26–27]. Административная система находилась в постоянном кризисе, не успевая за развитием хозяйственного пространства аренды. В результате оформилась тенденция совмещения двух управленческих систем округа – по лесному и земельному хозяйствам, что не только сильно усложняло общую структуру управления земельно-лесными ресурсами, но и подвело к постепенному внедрению территориально-комплексного подхода на низовом уровне вместо отраслевого. Это закладывало основы для кардинального пересмотра модели управления земельно-лесным хозяйством, которая оформилась в результате административной реформы 1896 г.

Период 1883–1896 гг. характеризуется поворотом от стихийного развития арендных отношений к проведению целенаправленной, осознанной и системной хозяйственной деятельности в этой области.

Политика приобретала определенные смысловые зоны, отличавшиеся внутренней логикой и эволюционными характеристиками. Ключевую роль в этом повороте сыграла активность Н.И. Журина и его помощника по земельной части А.А. Ваганова, которую можно расценивать как создание определенного вектора, потенции к развитию. Такой же точки зрения придерживался помощник по земельной части Е. Недзвецкий, который в середине 1890-х гг. писал, что в то время как высшие кабинетские чины занимались постепенно падавшим горным делом, чтобы «поднять на ноги неизлечимо больного», и считали неразумным тратить время и средства на развитие новой системы, Н.И. Журиным «были необыкновенно верно угаданы те начала, которые должны были лечь в основание организации оброчного хозяйства на Алтае, и практика дела доказала верность системы» [18, л. 14об.].

С 1893 г. после смерти Н.И. Журина земельно-арендное хозяйство попало в весьма противоречи-

вое положение. С одной стороны, нарастали темпы его развития и доходы, начала сворачиваться горная промышленность, что привело к более внимательному отношению к аренде. С другой стороны, стали формироваться негативные факторы и моменты, которые влияли на управление земельно-арендной отраслью. Модель руководства и выбранный В.К. Болдыревым политический курс способствовали не только усилению отчетно-контрольных процедур и масштабированию достижений предыдущего периода, но и внедрению сложных, трудоемких процедур отчетности, постепенному уходу чиновников от «живого дела», росту формальных аспектов в деятельности и концентрации на канцелярской работе. Кроме того, очевидно негативное влияние подготовки к землеустройству в управленческом и психологическом плане, так как решение многих вопросов откладывались на потом, «впредь до землеустройства».

Библиографический список

1. Кухаренко А.Е., Сквородников А.В., Куденко Н.В. Формирование административно-хозяйственного каркаса земельно-арендного хозяйства Кабинета на Алтае в 1855–1883 гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: Исторические науки и археология. 2018. №2 (100). DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)2-09](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)2-09).
2. Кухаренко А.Е. Дореволюционная и советская историография земельно-арендной политики Кабинета в Алтайском (горном) округе // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: История, политология. 2012. №4/2(76).
3. Кухаренко А.Е., Соболева Т.Н. Историография земельно-арендной политики Кабинета в Алтайском (горном) округе на рубеже XX–XXI вв. // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: История, политология. 2013. №4/2(80). DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2013\)4.2-34](https://doi.org/10.14258/izvasu(2013)4.2-34).
4. Кухаренко А.Е., Сквородников А.В., Куденко Н.В. Эволюция административного каркаса земельно-арендного хозяйства Кабинета на Алтае в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: Исторические науки и археология. 2019. №6(110). DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2019\)6-04](https://doi.org/10.14258/izvasu(2019)6-04).
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.4. Оп. 1. Д. 156.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 23. Д. 895.
7. РГИА. Ф.468. Оп. 23. Д. 930.
8. Документы // Финансы Алтая. 1747–2002. Барнаул, 2002.
9. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 567.
10. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2659.
11. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 993.
12. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 169.
13. РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 617.
14. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 992.
15. РГИА. Оп. 22. Д. 804.
16. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 28.
17. ГААК. Ф. 3. Оп.1. Д. 998.
18. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1137.
19. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 755.
20. РГИА. Ф.468. Оп.23. Д.850.
21. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2302.
22. Обзор деятельности Министерства Императорского Двора и Уделов за время царствования в бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894 гг.). Ч. 1, кн. 1. СПб., 1901.
23. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 515.
24. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 787.
25. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2143.
26. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973.
27. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3117.
28. Голубев П.А. Арендное хозяйство Кабинета // Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890.
29. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2144.
30. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе. Т. 1: Частная обрабатывающая промышленность в Алтайском округе. Барнаул, 1896.
31. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 536.
32. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 764.